

Фунтов Павел Александрович

студент

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

г. Казань, Республика Татарстан

ЭВОЛЮЦИЯ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ В XXI ВЕКЕ

***Аннотация:** в статье исследуются ключевые тенденции трансформации романо-германской правовой семьи в условиях глобализации, цифровизации и усиления межправового взаимодействия. Анализируются изменения в системе источников права, влияние национал-популистских тенденций на кодификационные процессы, а также адаптация классических институтов к вызовам цифровой эпохи. Особое внимание уделяется конфликту между национальным и наднациональным.*

***Ключевые слова:** романо-германская правовая семья, сравнительное правоведение, гармонизация права, цифровизация, правовая политика, глобализация, правовая гармонизация.*

Романо-германская правовая семья, исторически сложившаяся на основе рецепции римского права и последующих национальных кодификаций, в XXI веке сталкивается с беспрецедентными вызовами. Глобализация, технологическая революция и кризис традиционных правовых институтов требуют переосмысления её базовых принципов: верховенства закона, иерархии источников права и примата кодифицированных актов.

Как отмечает Рене Давид, «унификация права в рамках романо-германской традиции всегда носила не только технический, но и культурный характер». Однако в современных условиях эта унификация всё чаще вступает в конфликт с такими явлениями, как: «мягкое право» (soft law) [1], носящее транснациональный характер; Искусственный Интеллект и цифровые активы, выходящие за пределы общепринятых традиционных правовых конструкций; изменения в национальном законодательстве отдельных стран, препятствующие установлению

единого правового пространства (примером могут послужить реформы судебной системы в Польше и Венгрии).

В текущий момент, традиционная для романо-германской системы пирамида источников, включающая в себя нормативно-правовые акты разного уровня (Конституцию, кодексы, законы и подзаконные акты) [4, с. 156], подвергается давлению со стороны: решений международных судов и цифровых нормативных актов.

Упоминая о цифровых нормативных актах, в текущий имеет место противостояние законодательства Европейского Союза (далее – ЕС) и компаний указанных как членов Big Tech: Apple, Microsoft, Amazon, Meta (признана экстремистской на территории Российской Федерации) и Google. Свидетельством имеющихся противоречий служит Digital Markets Act [10], регулирующий деятельность корпорацией с идеей недопустимости монополий на рынках цифровой продукции. Данный акт является последствием острой необходимости регулирования деятельности больших компаний, однако он противоречит принципу правовой определенности в силу широты используемых в Акте формулировок.

Акт носит транснациональный характер и регулирует деятельность компаний по всему миру, в текущий момент есть основания полагать, что положения акта будут дополняться и уточняться судебной практикой Суда справедливости ЕС [7, с. 53].

Как было замечено выше, в настоящее время происходит увеличение роли судебного правотворчества в романо-германской правовой системе, однако она основывается на верховенстве закона (кодексов) [2, с. 747–748], а суды рассматриваются лишь как правоприменители, а не его создатели, что вызывает дискуссии о трансформации классической модели, и несмотря на формальный запрет прецедентного права, законодательные органы государств, относящихся к романо-германской правовой семье, не успевают своевременно реагировать на возникающие вызовы.

Судебные же органы по всему миру позволяют отыскивать пробелы в законодательстве и заполнять их правоприменительной практикой, также суды

позволяют сделать право более определенным и отсекают все возможное пространство для иносказательности [5, с.14].

Однако у такого подхода есть свои минусы, на протяжении последних двух десятилетий конституционные суды стран континентальной Европы существенно усилили свое влияние на правовую систему. Германский Федеральный конституционный суд своими решениями не просто проверяет соответствие законов Основному закону, но активно формирует правовую политику [6, с. 56].

Ярким примером стало решение 2021 года о климатической защите, где суд, по существу, пересмотрел законодательные приоритеты, указав на необходимость более радикальных мер для защиты прав будущих поколений. Подобная активизация судебной власти наблюдается и во Франции, где Конституционный совет расширил практику последующего контроля за законами, включая в правовое поле не только букву Конституции, но и международные обязательства страны.

Современная защита прав человека вышла далеко за рамки традиционных гражданских и политических свобод. Экологические права, еще недавно считавшиеся второстепенными, сегодня занимают центральное место в правовой повестке. Нидерландский судебный прецедент 2015 года, обязавший правительство сократить выбросы парниковых газов, стал поворотным моментом в этом процессе. Одновременно развивается защита цифровых прав – французский Конституционный совет в 2020 году прямо признал цифровую неприкосновенность частью фундаментальных свобод, что отражает стремительную трансформацию правового ландшафта в цифровую эпоху.

Помимо этого, романо-германская правовая семья демонстрирует устойчивую тенденцию к унификации национального права (например, государств-участников Европейского Союза) и межнационального права, сформировавшуюся в условиях усиленного роста темпов глобализации [3, с. 83].

Такая позиция встречает несогласие в рамках правовой политики стран, относящихся к правовой семье, ярким примером тому служат решения Польского и Венгерского правительства.

Польша стала наглядным примером такого противостояния. В 7 октября 2021 году Конституционный трибунал страны принял знаковое решение, в котором поставил под сомнение верховенство права ЕС над национальной конституцией. Это решение закрепило, что польские власти могут игнорировать решения Суда Европейского Союза, если сочтут их противоречащими национальным интересам. Подобная позиция вызвала резкую критику со стороны европейских институтов и поставила под вопрос саму концепцию единого европейского правового пространства [8].

Венгрия пошла ещё дальше в своём противостоянии с наднациональными правовыми институтами. Венгерское правительство неоднократно заявляло о необходимости «защиты конституционной идентичности» от вмешательства извне, что на практике означало отказ выполнять решения как Суда ЕС, так и Европейского Суда по Правам Человека. Особенно показательным стал конфликт вокруг миграционной политики, когда венгерские власти проигнорировали несколько решений европейских судов, касающихся прав беженцев.

Современные тенденции показывают, что эти конфликты не только не ослабевают, но приобретают новые формы. Растущий популизм в Европе, усиление национально-консервативных движений и кризис доверия к международным институтам создают благоприятную почву для дальнейшей эскалации напряжённости. При этом технологический прогресс и новые вызовы, такие как цифровизация и изменение климата, требуют именно наднациональных подходов к защите прав, что делает поиск баланса между различными уровнями правовой защиты одной из ключевых задач современной юриспруденции.

Разрешение этих противоречий видится не в жёстком противопоставлении национального и наднационального, а в выработке гибких механизмов взаимодействия. Опыт показывает, что наиболее эффективной оказывается модель диалога между судебными инстанциями разного уровня, когда каждая сторона учитывает аргументы другой и стремится найти компромиссное решение. Именно такой подход позволяет сохранить как уважение к национальному

конституционному суверенитету, так и эффективность международной системы защиты прав человека [9].

Учитывая вышесказанное, заметим, что эволюция романо-германской правовой семьи в настоящее время демонстрирует её динамичную адаптацию к глобализации, усилению судебной власти и взаимодействию национального и наднационального права. Рост влияния судов отражает тенденцию к большей гибкости правоприменения, тогда как глобализация и наднациональные нормы ставят новые вопросы о сохранении юридического суверенитета. Несмотря на возникающие конфликты, эта правовая семья продолжает развиваться, сохраняя свою системность и интегрируя новые механизмы правовой гармонизации. Дальнейшие исследования в этой области могут помочь найти баланс между традициями и трансформациями в условиях меняющегося правового ландшафта.

Список литературы

1. Демин А.В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования: монография / А.В. Демин. – М.: Проспект, 2016.
2. Ботарева Е.А. Общая характеристика романо-германской правовой семьи / Е.А. Ботарева // Аллея науки. – 2017. – №9. – С. 746–749. EDN YULCJD
3. Чекмарев Э.В. Модернизация и глобализация: общее и особенное / Э.В. Чекмарев // Правовая политика и правовая жизнь. – 2009. – №2. – С. 82–87. EDN KHOLMZ
4. Рассказов Л.П. Общие черты романо-германской правовой семьи. Правовые системы скандинавских стран как особая разновидность романо-германской правовой семьи / Л.П. Рассказов // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – №111. – С. 151–172. EDN UMARDR
5. Туманянц Е.С. Прецедент в системе источников права англо-американской и романо-германской правовой семьи / Е.С. Туманянц // Вестник Омской юридической академии. – 2015. – №3 (28). – С. 12–14. EDN UJFRWV
6. Иванченко А.Г. Формирование романо-германской правовой семьи / А.Г. Иванченко // Человек, общество и культура в XXI веке: сборник научных

трудов по материалам Международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 55–58. EDN ZSYBVP

7. Серегин А.В. Сравнительное правоведение (мир правовых семей): учебник для вузов / А.В. Серегин. – М.: Юрайт, 2020. – 363 с. – EDN LJTYNT

8. Чехарина В. Постановление Конституционного трибунала Польши о Договоре о Европейском Союзе: обострение конфликта с институтами ЕС / В. Чехарина // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – №4 (155). – С. 56–75.

9. Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права / Р.А. Мюллерсон. – М.: Междунар. отношения, 1982. – С. 105.

10. The Digital Markets Act: ensuring fair and open digital markets [Electronic resource]. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj/eng> (date of request: 16.04.2025).